

В жизни всегда волнительно браться за что-то новое, и не каждый на это способен. Правда если речь идет о действительно талантливом человеке, в данном случае о моем любимом муже Саше, то здесь любое начинание просто обречено на успех.

Сказать, что я испытываю чувство гордости за его победы, — ничего не сказать... Саше удалось написать автобиографию, наполненную живыми эмоциями, а не просто сухими фактами.

Местами она выглядит очень трогательно, местами грустно, какие-то моменты читать достаточно тяжело... Но при этом он рассказал столько нереально смешных историй. Вот такой парадокс!

Каждый раз, когда Саша давал мне прочитать написанное, я успевала порываться, размазав тушь по лицу, и, пару мгновений спустя, напугать всех домашних своим хохотом. Смена эмоций случалась на протяжении чтения буквально одного абзаца.

Все, кто близко знает Сашу, поймут, о чем я говорю. Любой рассказ он умеет дополнить такими деталями, что хоть стой, хоть падай (лучше сразу падай).

Что-что, а чувство юмора — это его конек. Шутя, он покори́л в свое время мое сердце, и я до сих пор не могу прийти в себя от смеха.

Ну а для тех, кто близко с ним незнаком, прочитать книгу и узнать Сашу лучше будет интересно вдвойне. А после прочтения придется стать его фанатом.

На этой ноте, я, пожалуй, закончу и скромно удалюсь... ☺

НАТАЛЬЯ ЖУЛИНА

Александр Жулин – безумно талантливый, интересный и многогранный человек, и написанная им автобиография полностью отражает яркую жизнь этого успешного фигуриста и тренера. Мне удалось ознакомиться с несколькими главами книги, в которых в увлекательной форме рассказывается о спортивном пути Александра, о творчестве, личной жизни, об интересных людях, с которыми его сводила судьба. Перед читателями развернется мир на катке и за его пределами, полный интригующих отношений, взлетов и падений, преодоления препятствий и постоянной работы над собой. Александр поделится с читателями секретами создания ярких постановок на льду и воспитания олимпийских чемпионов. Уверена, что книга заинтересует любителей фигурного катания и поклонников постановок Жулина. Безумно жаль, что родители Саши не смогут прочесть его автобиографический труд. О них автор отзывается с особой теплотой и нежностью.

ТАТЬЯНА НАВКА

**АЛЕКСАНДР
ЖУЛИН**

**ТАНЦЫ
НА ЛЬДУ
ЖИЗНИ**

*«Я знаю
о любви
всё...»*

МОСКВА
2022

УДК 796.912:929(470)
ББК 75.719.6
Ж87

Издание подготовлено при участии продюсерского агентства
CELEBRITY BOOKING GROUP

В книге использованы фотографии:

© Ольга Ракша,

© Екатерина Крутикова,

© Анвар Галеев, Олег Наумов, Александра Немо, Никольский
Алексей / Фото ИТАР-ТАСС;
Архив / ИТАР-ТАСС

Оформление обложки *Алексея Дурасова*

Фото на обложке *Олега Наумова*

Жулин, Александр Вячеславович.

Ж87 Танцы на льду жизни. «Я знаю о любви всё...» /
Александр Жулин. — Москва : Эксмо, 2022. —
320 с. : ил. (Автобиография-бестселлер).

ISBN 978-5-04-120894-3

Знаменитый фигурист впервые откровенно рассказывает о себе. Александр Жулин с юмором и теплотой делится десятками историй об успехах и неудачах в спорте, о своих трех женитьбах на очаровательных фигуристках: Майе Усовой, Татьяне Навке и Наталье Михайловой, — о дорогих близких, о друзьях, коллегах, тренерах. Из этих рассказов рождается живой портрет неординарного, сильного и творческого человека, который умеет восхищать миллионы людей своим искусством и своими достижениями.

Звезда Александра Жулина зажглась на чемпионатах мира и олимпийских играх. Победитель в танцах на льду, любимец публики, обаятельный и харизматичный, он реализовал себя как спортсмен, тренер олимпийских чемпионов, ключевой участник и постановщик прекрасных выступлений на рвущих рейтинги телевизионных шоу «Звезды на льду» и «Ледниковый период». В своей книге Александр Жулин приглашает читателей в увлекательнейшее путешествие в мир фигурного катания и в свою полную драматических поворотов жизнь.

УДК 796.912:929(470)
ББК 75.719.6

ISBN 978-5-04-120894-3

© Жулин А.В., текст, 2022

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИРОДА УСПЕХА
(вместо предисловия) 13

Глава 1
«ТЕРПИ, КАЗАК, АТАМАНОМ БУДЕШЬ!» 14

Глава 2
ПАПА, МАМА И СÁЛЬХОВ 21

Глава 3
«ДУМАЛ, УМРУ, НО ВЫЖИЛ» 25

Глава 4
ТАРАСОВА, ПАХОМОВА
И КАТАНИЕ СО СТУЛОМ 33

Глава 5
«ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ – ОТВЕЧАЙ» 37

Глава 6
СУРОВАЯ И ЛЮБИМАЯ
НАТАЛЬЯ ДУБОВА 47

Глава 7

ИНДИЙСКАЯ ПРИНЦЕССА МАЙЯ 51

Глава 8

МОЙ ДРУГ СЕРГЕЙ ПОНОМАРЕНКО 56

Глава 9

«Я ВСЕ ПРОСРАЛ!» 60

Глава 10

«БУДУЩИМ ЧЕМПИОНАМ МИРА!»
ОТ ТОРВИЛЛ И ДИНА 67

Глава 11

ДЕБЮТ НА ЧЕМПИОНАТЕ ЕВРОПЫ 71

Глава 12

ХАРИЗМА ХОРЕОГРАФА:
ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА 76

Глава 13

ПЕРВЫЕ «КОСМИЧЕСКИЕ» БАЛЛЫ 83

Глава 14

ВЕСЕЛЫЙ ТУР ВЕЛИКОГО
ТОМА КОЛЛИНЗА 88

Глава 15

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ДЖУЗЕППЕ АРЕНА
ИЗ LA SCALA 100

Глава 16

«БЕЗ ЖЕНЩИН ЖИТЬ
НЕЛЬЗЯ НА СВЕТЕ, НЕТ...» 110

Глава 17
«МАҚДОЛЕНД» –
ЛУЧШИЙ РЕСТОРАН АМЕРИКИ... 137

Глава 18
РОМАН КОСТОМАРОВ И ИНТРИГА
МАСШТАБА МХАТа 145

Глава 19
СЧАСТЛИВОЕ ВРЕМЯ В АМЕРИКЕ 159

Глава 20
«НЬЮ-ЙОРК БОМБЯТ!!!» 163

Глава 21
ПЕРВАЯ ОЛИМПИАДА:
АЛЬБЕРВИЛЬ 166

Глава 22
ОЛИМПИЙСКОЕ СЕРЕБРО
ЛИЛЛЕХАММЕРА 172

Глава 23
Я – ТРЕНЕР 179

Глава 24
ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ОЛИМПИАДА
В ТУРИНЕ 193

Глава 25
«ЗВЕЗДЫ НА ЛЬДУ» 213

Глава 26
ТАНЯ, САША И НАТАША 221

Глава 27
«ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД» 228

Глава 28
«ДВЕ ЗВЕЗДЫ» 241

Глава 29
ТО, ЧТО Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛЮБЛЮ 245

Глава 30
АВТОМОБИЛЬНЫЕ ИСТОРИИ 263

Глава 31
И СНОВА ТРЕНЕР:
ОТ ЧЕМПИОНАТА МИРА – 2011
ДО ОЛИМПИАДЫ–2022 270

Глава 32
МОЕ ГЛАВНОЕ ДОСТИЖЕНИЕ 303

Эпilog 309

Указатель 310

*Моим любимым родителям –
Надежде Васильевне и Вячеславу Александровичу –
посвящается...*

ПРИРОДА УСПЕХА

(вместо предисловия)

Вы знаете, уважаемый читатель, природа моего успеха очень неоднозначна. Я действительно не очень одарен в физическом плане. То есть все, что связано с выворотностью ног, широким шагом, каким-то уникальным ростом — это вообще не про меня. Очень средние данные, подмосковная школа выразительности... Все это могло поставить жирный крест на моей карьере фигуриста, но каким-то чудесным образом я стал тем, кем стал, и очень прошу вас не сдаваться, а идти к своей цели, несмотря ни на что!

Вера в себя и фанатичное стремление к совершенству даст вам возможность развития и шанс достигнуть, казалось бы, недостижимых высот.

Я до сих пор считаю, что мне, парню из Королева, безумно повезло с людьми, окружавшими меня на протяжении всей моей карьеры. Спасибо им большое!

Люди, верьте в себя, и все у вас получится!

Перед вами мой путь — от подмосковной шпаны до чемпиона мира.

Глава 1

«ТЕРПИ, КАЗАК, АТАМАНОМ БУДЕШЬ!»

«Артист, — сказала бабушка, глядя, как я размахиваю руками под “Рондо каприччиозо” Сен-Санса. — Нужно отдавать на фигурное катание. И простужаться перестанет». Мой хореографический этюд был представлен в комнате коммунальной квартиры в подмосковном городе Калининграде, нынешнем Королеве.

Мама с папой были очень заняты на работе, поэтому мои первые шаги на льду в основном наблюдала бабушка. Бабушка Маня — так мы ее ласково называли в семье. Это она привела меня в секцию фигурного катания на открытый каток стадиона «Вымпел». Ее основной целью было сделать так, чтобы я перестал болеть. Практически каждый месяц у меня возникали различные простудные заболевания. И бороться с этим бабушка решила при помощи катания на открытом воздухе.

Я долго не мог понять, зачем меня водят на открытый каток в лютый холод практически каж-

дый день. Моим любимым занятием были прыжки в огромные сугробы вокруг катка, которые наметала снегоуборочная машина. Но поскольку я был очень музыкален, то сам прыжок исполнялся точно в акцент, если музыка звучала из радиоузла, и тренер не сильно ругался.

Баба Маня была уникальным человеком и обожала деревню. Ее работоспособность не знала границ. Она с раннего утра до поздней ночи могла пропалывать грядки и что-то сажать. В каких-то сумках, авоськах она перевозила вещи в деревню, а обратно везла на себе помидоры, огурцы, картошку — постоянно была в движении. Мама была еще ребенком, когда мой дедушка, мамин отец, погиб, подавившись куском мяса из борща. И бабушка с молодости одна тащила на себе двоих детей — и маму, и младшего сына Владика.

В моей памяти запечатлен один случай. Как-то раз на огороде баба Маня не заметила торчащие из земли вилы и наступила на них. Вилы проткнули ступню насквозь! Никаких лекарств, естественно, не было, и она попросила меня, шестилетнего ребенка, пописать ей на ногу, чтобы не было столбняка, как я сейчас понимаю. Я справился с задачей, а у бабушки даже не было заражения. Вот это здоровье у русских женщин!

Я неспроста заострил внимание на деревенских корнях бабушки Мани. Когда был показ легендарному серебряному медалисту Саппоро Сергею Четверухину, мама с папой были на работе, и меня повезла в Москву бабуля. Помню, она очень нервничала. Шутка ли, человек из телевизора, настоящая звезда. Чтобы прикрыть деревенские запахи, бабушка

обильно полила себя ароматным маминым шампунем. Как сейчас вижу, я покатался, и Четверухин позвал нас для разговора на улицу. Пошел не очень сильный дождь, но этого было достаточно, чтобы баба Маня вспенилась. Она стояла и пенилась при великом чемпионе, кивая покрытой пеной головой. Четверухин же, почувствовав что-то неладное, сказал, чтобы мой отец ему позвонил, и попрощался. А бабушка пулей побежала в туалет смывать с себя иностранные вкусы... Дома мы все вместе долго смеялись.

МОИМ ПЕРВЫМ ТРЕНЕРОМ была Татьяна Михайловна Московская — нестрогая и симпатичная, на мой юный взгляд, женщина. С пяти до семи лет я прокатался у нее.

Несмотря на то что сам уже давно работаю тренером, я просто не понимаю, как можно обучать пятилетних так называемых людей чему-либо! Как можно втемашить им в голову, что такое *кросс-ролл* или *шассе*?

Несмотря на то что сам уже давно работаю тренером, я просто не понимаю, как можно обучать пятилетних так называемых людей чему-либо! Как можно втемашить им в голову, что такое *кросс-ролл* или *шассе*?

Я совсем не помню, чему меня обучала Татьяна Михайловна, но судя по тому, как я скользил по льду позже, работу свою она делала очень хорошо.

Помню, как папа растирал мои оковеневшие ступни до покалывания от долгожданного тепла. Потом засовывал их в батарею и приговаривал: «Терпи, казак, атаманом будешь», — а я совсем не хотел быть атаманом. К тому же не знал, кто это, но терпел. Как показало время, видимо, не зря. Вообще все это детское терпение, преодоление оказывается потом ключом к успеху в 90 процентах случаев.

Моим первым другом-соперником был Аркашка Струков. Наши отцы работали на одном предприятии КБ ХимМаш¹, где занимались тогда еще нужными и засекреченными ракетами (папа, к слову, имел четыре ордена). На мои детские расспросы, кем он работает, папа отвечал, что он изобретатель. Тогда я спрашивал, что он изобрел, он всегда говорил: «Горшок с ручкой внутри и винты без нарезки». По субботам отцы играли в футбол, причем в разных командах. Они гордились нашими победами, рассказывая о них друг другу. Мы объездили с соревнованиями все Подмосковье: от поселка Монино до города Красногорск. Тогда же пришли мои первые успехи, понятно, что на детском уровне. Как-то я попал на просмотр в Москву, в ЦСКА, и меня взяли в семилетнем возрасте в школу одиночного фигурного катания.

Этот период я помню немного смутно, надеюсь, не в связи с деменцией, а в силу своего юного воз-

¹ Легендарное Конструкторское бюро химического машиностроения им. А. М. Исаева, флагман космического ракетостроения в пору СССР. — *Примеч. ред.*

раста на тот момент. Помню, мне приходилось вставать так, чтобы успеть на электричку в 5:41, а в 7:15 начинался прокат фигур — это называлось «школой». Более скучного занятия для ребенка найти невозможно. Разве что только сольфеджио. Однако с полной уверенностью утверждать этого не могу, так как мой опыт обучения в музыкальной школе был быстрым и печальным — на пятый день я примерз во дворе языком к металлическому столбу. Боль в момент отрывания языка от металла была такой, что ни Моцарт, ни Глинка не смогли повлиять на мое решение обходить храм музыки за километр.

На пятый день занятий
я примерз во дворе языком
к металлическому столбу. Боль
в момент отрывания языка от
металла была такой, что ни
Моцарт, ни Глинка не смогли
повлиять на мое решение
обходить храм музыки за
километр.

После этого эпизода я окончательно сосредоточился на фигурном катании. С тех пор каждое утро начиналось со стука отца в дверь моей комнаты на мотив спартаковской кричалки «Са-ша-та-та-та, та-та-та-та, вставай! Са-ша-та-та-та, та-та-та-та, вставай!». И все это в 5 утра! Каждый день. Кроме воскресенья. Так я на долгое время стал фанатом ЦСКА. Слышать не мог эти позывные. Честно говоря, я не очень-то

рвался быть фигуристом, но усилия бабушки и родителей не были напрасными — я продолжал заниматься.

Пока мои сверстники гоняли в футбол и смотрели мультики, я наматывал свои три часа в день на электричке. Поначалу на тренировки меня возил отец, но в скором времени его занятость на работе сделала меня одиноким рейнджером, и я стал добираться до катка самостоятельно. Слава богу, я не знал, что может произойти с маленьким мальчиком на пути к спортивным успехам, иначе я бы сильно испугался. Сейчас я, как отец трех дочерей, не могу себе даже представить, чтобы я отпускал их одних на встречу со взрослым, небезопасным миром. Нисколько не виню своих родителей. Они, мне кажется, были в неведении, поскольку в те времена все было замечательно, по крайней мере казалось, что все люди были добрыми и открытыми.

Приведу только один эпизод. Я ехал в электричке со второй тренировки достаточно поздно. Вагоны битком. Я стоял в тамбуре. Ко мне очень плотно придвинулся какой-то мужчина и стал спрашивать, почему такой красивый мальчик едет один, люблю ли я ласку, нравятся ли мне красивые дяди... А мне 9 лет, и я подобных моментов не понимаю, но чувствую большую опасность. Поезд подъезжал к станции Мытищи, а я ехал до Болшева (это через остановку). Я что-то пробормотал в ответ на его вопросы, и тут он начал гладить меня по бедру. Я осознал, что творится что-то неладное, не знаю почему. Про педофилов и им подобных в те времена я еще ничего не знал, но очень испугался. Двери открылись, и народ стал выходить в Мытищах. А я уже сообщил своему

«другу», что еду до станции Болшево. И как только двери стали закрываться, я в последнюю секунду выскочил на платформу. Мужик не успел. Вы бы видели его глаза! Мне страшно до сих пор! Через какое-то время я сел в автобус, благо знал, какой идет до Болшева. Моя бабушка жила в Мытищах, и я часто ездил этим автобусом. Самое странное то, что, приехав домой, я ничего не рассказал родителям — мне почему-то было стыдно. Я рассказал отцу эту историю в сорок лет, и он был в ужасе. Мне кажется, мои родители были тогда еще не слишком опытны, чтобы предвидеть подобные ситуации, хотя столько любви, сколько я получал от них, не всем детям достается.

Глава 2

ПАПА, МАМА И САЛЬХОВ

Жизнь — это череда случайностей. Очень сложно понять, кто прав, кто виноват. Нужно принимать происходящее со всеми недостатками и прочими причудами. Мой папа был очень спортивным — мастер спорта по лыжам, — любил разные виды спорта, особенно футбол и, конечно, фигурное катание. Мое попадание в секцию фигурного катания на первый взгляд, кажется случайным, учитывая тот факт, что отец обожал футбол. Но еще отец был заядлым театралом и киноманом, мог легко назвать практически любого актера из любого фильма. С самых малых лет я смотрел прекрасные спектакли «Синяя птица», «Малыш и Карлсон», «Пеппи Длинныйчулок» и другие. Так что, абсолютно без натяжек, отца можно считать человеком искусства, но я тем не менее попал в фигурное катание — выбор был продиктован тем, что мой организм нуждался в укреплении, можно сказать, моя склонность к ОРЗ подтолкнула родителей к этому. Закаливание под музыку в то время было очень популярно.

Вспоминаю из раннего детства: идем мы в детский сад, и папа мне рассказывает, что перекидной прыжок намного проще, чем сальхов одинарный, и если я не вставлю сальхов в программу, я — слабак! Ну что сказать, я рыдал! За двадцать метров от садика он с видом Антона Макаренко развернулся и пошел конструировать свои ракеты, а я в соплях остался проклинать свою никчемную жизнь без сальхова, а мне шесть лет! В тот момент я решил, что меня никто не любит, любят лишь этот чертов сальхов. И ни в какой детский сад я, естественно, не пошел, а пошел домой, где взял свой велосипед с толстыми шинами и роликами по бокам, и рванул к бабушке в Мытищи (тот еще Армстронг)! Я ехал полдня.

И ни в какой детский сад
я, естественно, не пошел,
а пошел домой, где взял свой
велосипед с толстыми шинами
и роликами по бокам, и рванул
к бабушке в Мытищи (тот еще
Армстронг)! Я ехал полдня.

Доехал до Ярославского шоссе и, увидев поток машин, мягко говоря, испугался. Развернулся и поехал назад, но не домой, а к бабушке Поле, папиной маме. Она жила в Подлипках. Бабушка папы была подкидышем. Ее подбросили на крыльцо в семью в деревне Тюнеж Тульской губернии. Она была завернута в матерчатый конверт с какими-то очень

богатыми вензелями. Много позже, когда в передаче «Моя родословная» редакторы с Первого канала пытались выяснить что-то по этому поводу, они докопались до моих итальянских и армянских корней по материнской линии, а по линии отца — тишина. Может, с моими корнями все не так просто. Бабушка была первой певуньей и плясуньей на деревне.

Так вот. Я приехал к ней, сказал, что очень соскучился. Она меня сразу накормила всякими вкусностями и вообще залюбила до беспамятства, а я предвкушал свою победу над родителями, в частности над отцом, который не понял души поэта. А стационарного телефона у нашей семьи в ту пору не было. Теперь представьте пришедшего за мной в садик папу, которому сообщают, что «ваш сын не появлялся». В общем, меня начинают искать везде... И в одиннадцать вечера находят у бабушки, которая не в курсе моих подвигов. Надо отдать должное родителям, они объяснили мне в доброй форме, что я был не прав. Согласились на перекидной. Любили очень сильно!

МОЯ МАМА БЫЛА АНГЕЛОМ. Более безобидного и робкого человека я не встречал и по сей день. Я вил из нее веревки. Для нее всегда было главным, чтобы я был сыт, обут, одет и не болел. Папа же видел во мне чемпиона и максимально меня заводил. Все ключевые решения в семье принимал отец, что абсолютно нормально.

Маму же он безумно любил. Сейчас я понимаю, ему была необходима любящая женщина-слушатель, человек, который всегда видел в нем главу нашей семьи. Мама меня очень баловала, любила донельзя. Я сильно этим пользовался и до пяти лет не слезал

у нее с рук. Говоря, что у меня очень устали ножки, я, здоровый кабан, забирался к ней на руки и балдел от материнской любви.

Моя мама была ангелом. Более безобидного и робкого человека я не встречал и по сей день. Я вил из нее веревки. Для нее всегда было главным, чтобы я был сыт, обут, одет и не болел. Папа же видел во мне чемпиона и максимально меня заводил. Все ключевые решения в семье принимал отец, что абсолютно нормально.

Я был очень сильно привязан к своим родителям. Поэтому первые мои спортивные сборы в городе Горьком (сегодня это Нижний Новгород) были испытанием для меня. Мне было тогда 8 лет, и я каждый день звонил папе на работу и умолял забрать меня отсюда. Все было хорошо, меня никто не обижал, но я безумно скучал по родителям. В конце концов, папа приехал и забрал меня. Но со временем я повзрослел, привык, понял, что деваться мне некуда и что сборы — это часть моей жизни, нужно потерпеть.

Глава 3

«ДУМАЛ, УМРУ, НО ВЫЖИЛ»

Моим вторым тренером стал Владимир Алексеевич Садиков, хороший человек с прекрасным чувством юмора. Он очень трепетно ко мне относился. Я прокатался у него года три, начал делать все двойные прыжки и двойной аксель. Для той поры это было неплохо. Но появлялись уже спортсмены моего возраста с тройными прыжками. Сейчас я вспоминаю своих соперников. Их имена добавляют мне гордости, потому что это были серьезные конкуренты: Фадеев, Котин, Егоров — впоследствии звезды мирового масштаба.

Помню турнир «Олимпийские надежды», где все они в короткую программу вставили каскад с тройным тулупом, а я прыгнул каскад из двух двойных, лутц, тулуп и еще двойной аксель. Сделал чистый прокат, артистично, красиво — все звезды упали. Так уж произошло, я был выше их в таблице. У меня до сих пор благодаря отцу хранится тот протокол, где

я «порвал» будущих звезд в силу своей аккуратности. Папа хранил все вырезки из газет, где фигурировала моя фамилия, начиная с периода одиночного катания и заканчивая танцами. И потом, в день моего сорокалетия, вручил мне толстый альбом со всеми вырезками о моей карьере. Я был тронут до слез.

Сейчас я вспоминаю своих
соперников. Их имена
добавляют мне гордости,
потому что это были серьезные
конкуренты: Фадеев, Котин,
Егоров — впоследствии звезды
мирового масштаба.

У Садикова, как уже было сказано, я прокатался три года. И настал день, когда отец посадил меня перед собой и сказал: «Сынок, тобой заинтересовался Сергей Александрович Четверухин. Это звезда нашего фигурного катания и теперь тренер. Я думаю, нам нужно переходить к нему». Я не знал, как реагировать на эту информацию уже хотя бы потому, что был привязан к Владимиру Алексеевичу, он был замечательным человеком, но опыт и мудрость отца перевесили, и я сказал: «Звони ему сам, я не смогу...» Отец позвонил, все объяснил. Садиков очень обиделся. Я его понимаю. Сам уже побывал неоднократно в подобных ситуациях. Мне до сих пор стыдно, но таков мир спорта. Мы, кстати, сейчас прекрасно общаемся. Он, слава богу, простил, когда увидел мои результаты в танцах.

С Четверухиным же было очень интересно работать. Он в свое время катался у великого Станислава Жука. Четверухин давал много интересных упражнений, именно катательных. Часть этих упражнений я использую в тренерской работе до сих пор, и, надо признать, мало кто может исполнить их в «четверухинском» качестве. Таких нагрузок я не видел никогда. Помню, на сборах в Северодонцке я плохо тренировался на льду. После тренировки он вывел меня на футбольный стадион и заставил прыгать по полю прыжками «кенгуру» или «лягушки» (кто как их называет) — из низкого приседа в высоту. По всему периметру футбольного поля. Думал, умру, но выжил.

После тренировки он вывел меня на футбольный стадион и заставил прыгать по полю прыжками «кенгуру» или «лягушки» (кто как их называет) — из низкого приседа в высоту. По всему периметру футбольного поля. Думал, умру, но выжил.

Правильно это или нет, не знаю. У меня нет ответа, но мне кажется, есть в этом некая бессистемность, потому что столько лет прошло, а я помню в основном это.

В Москве создали спецгруппу: два мальчика — Расчетнов и Жулин — воспитанники Четверухина,

и пять девочек под руководством Эдуарда Плинера, известного в СССР тренера. Мы катались на катке «Кристалл». Вся работа была выстроена грамотно: ОФП, хореография, лед. Все получали талоны на питание, которые мы меняли на деньги — из расчета один к трем, это был приличный заработок. Я стал приносить деньги в семью, и был горд этим фактом, ведь в семье появился еще один кормилец. Все бы ничего, но этот проект не сработал. Никто не начал кататься на должном уровне. Четверухин разочаровался в тренерской работе, уехал за границу, а я перешел к Анастасии Николаевне Казаковой. Она тоже когда-то каталась у Садикова. Все мои неплохие результаты в одиночном катании я имел благодаря ей. Спасибо Анастасии Николаевне.

Но самое большое «спасибо» связано с тем, что однажды во время моей борьбы с тройным тулупом она спросила:

— Саша, а не хочешь попробовать себя в танцах?

Я был просто в ужасе (раньше в танцы отдавали только тех, кто был не способен чего-то добиться в одиночном или, на худой конец, в парном катании), и спросил у Анастасии Николаевны:

— Я что, настолько бесперспективный?

Она мне ответила:

— Я думаю, ты задумываешься о первых местах.

Я ответил:

— Конечно.

Она сказала:

— Мне кажется, в 14 лет с одним тройным это практически невозможно. Тем более с твоими коленями.

Надо сказать на тот момент времени у меня сильно болели колени. Переходный возраст. Я сказал, что мне нужно посоветоваться с родителями, и поехал рассказывать о нашем разговоре с тренером. Тогда мы катались на СЮПе¹. И там же, на СЮПе, катались группы Татьяны Тарасовой и Светланы Алексеевой. Там катались «монстры» — Ирина Роднина и Александр Зайцев, Наталья Бестемьянова и Андрей Букин. Вечером я рассказал родителям о нашем разговоре с тренером. Для всех это стало полной неожиданностью. Мама и особенно папа видели во мне своего любимца — звезду тех времен — Толлера Крэнстона из чуждой нам Канады. Ведь тогда весь влюбленный в этого фигуриста Советский Союз, а особенно его прекрасная половина, были ни сном ни духом, что все его кошачьи движения, фирменная гибкость и пластичность были напрямую связаны с его нетрадиционным взглядом на жизнь.

Лидером советских одиночников в то время был Владимир Ковалев. Прямая противоположность буржуазному стилю. Как сейчас помню его поклоны после выступления. Взгляд был направлен прямо тебе в глаза, легкое движение головы вперед, как у кобры, не хватало только фразы: «Ну че ты, б...»? — Пот струйкой стекал по спине. Хорошо, люди знали, что он фигурист, а так могло сложиться впечатление, что сбежавший зэк решил поскользиться под музыку в «Лужниках». Его «блатную хореографию» здорово прикрывала своей музыкальностью Елена Анатольев-

¹ Стадион «Юных пионеров». — *Примеч. ред.*

на Чайковская, его тренер. С ней он стал чемпионом мира в 1977-м и 1979-м.

Нужно вам сказать, что и Ковалев, и Сергей Волков (наш первый чемпион мира), тоже не сильно артистичный, совершенно уникально делали обязательные фигуры, в отличие от канадцев с американцами. Западники часто побеждали в произвольной программе, но из-за огромного отрыва в «школе» не могли достать наших. Да, был еще один человек из ГДР, Ян Хофманн. Он тоже великолепно делал «школу». В произвольном катании Ковалев и Волков по сравнению с ним были Нуреевым и Васильевым соответственно.

Ян любил использовать в своих программах музыку из популярных тогда фильмов про индейцев с югославом Гойко Митичем, который жил в ГДР. С тех пор я знаю, что у индейцев сильно хромает хореография. Ян Хофманн просто убедил меня в этом. Зато никто никогда и нигде не усомнился в ориентации этих ребят. Эстетские штучки — это не про них. Владимир Ковалев был удивительным спортсменом. Его дважды лишали звания заслуженного мастера спорта СССР. На летних сборах он, катаясь на водных лыжах, решил перепрыгнуть буюк и порвал паховую артерию. Врачи еле спасли незадачливого, но, бесспорно, талантливого спортсмена.

Расскажу удивительную историю, которая произошла на чемпионате мира 1972 года в канадском Калгари. Молодой Ковалев во время исполнения им произвольной программы где-то в середине композиции исполнил чисто тройной сальхов (по тем временам очень сложный прыжок). И вдруг с трибуны на ломаном русском кто-то кричит: «Поффтори ...!»

Ковалев, недолго думая, делает разбег и прыгает еще один чистый тройной сальхов и на весь стадион со вскинутыми руками кричит: «Пожалуйста!» Чайковская, конечно, намучилась, но в итоге на этом чемпионате Владимир стал бронзовым призером. Это еще раз доказывает мою версию, что чемпионы-хулиганы – это сила!

К слову, вот был у нас очень умный, веселый и неординарный тренер со своим ни на кого не похожим взглядом на фигурное катание и его технические составляющие. Работал он в основном с одиночниками в городе Свердловске (нынешнем Екатеринбурге). Он был очень грузным мужчиной и очень любил вкусно поесть. Еще больше ему нравилось угощать коллег-тренеров, но и про учеников и вообще спортсменов он никогда не забывал. Имя этого тренера Игорь Борисович Ксенофонтов. Про него есть много веселых и разных историй. Расскажу вам мою любимую.

Как-то на одной из тренировок его ученик наконец утратил способность исполнить тройной сальхов. Заходил раз пять и, вылетая параллельно льду, убивался раз за разом. Ксенофонтов молча наблюдал за «способным» парнем. Сидел с видом гуру и молчал. Ученик, устав от падений, подъехал к мудрому сэнсэю и спросил: «Что не так? Подскажите, что сделать???» Игорь Борисович произнес: «Сделай прыжок в либелу»¹. Ученик удивился, но пошел исполнять. Исполнив прыжок в либелу, он опять подъехал к тренеру. Тот спрашивает:

– Почувствовал?

¹ Вращение в ласточке. — *Примеч. ред.*

— Нет! — ответил ученик.

— Иди сделай еще раз.

Ученик был послушным и сделал элемент еще дважды, Ксенофонтов оба раза спросил: «Почувствовал?» Наконец спортсмен не выдержал и с мольбой в голосе возопил: «Да что я должен почувствовать-то?» И тут гуру выдает: «Как мозги от жопы обратно к голове возвращаются». Гениальный совет гениального тренера, к сожалению, уже покинувшего нас.

Глава 4

ТАРАСОВА, ПАХОМОВА И КАТАНИЕ СО СТУЛОМ

Но вернемся к моим метаниям. Совместно с семьей я принял решение продолжать заниматься одиночным катанием. Вдруг результат придет. Все-таки танцы — это что-то неизведанное, да еще и в паре с девочкой.

Совместно с семьей я принял
решение продолжать заниматься
одиночным катанием. Вдруг
результат придет. Все-
таки танцы — это что-то
неизведанное, да еще и в паре
с девочкой.

Оказалось, что мой тренер уже имела беседу с кем-то из тренерского штаба Татьяны Анатольевны Тарасовой, и когда я пришел на тренировку с принятым

решением продолжать мою одиночную карьеру, мне вручили номер телефона Тарасовой и попросили отца ей позвонить. Отец позвонил тем же вечером, и Тарасова пригласила его к себе домой. Папа очень нервничал, идя на эту встречу, шутка ли, попасть в квартиру к великим Тарасовым — дочери и отцу — величайшему хоккейному тренеру Анатолию Владимировичу Тарасову и не менее великой дочери. Тарасова встретила моего отца очень радушно. Проводила на кухню и изложила все плюсы и минусы моего перехода в танцы. Минусов практически не было.

Тарасова встретила моего отца
очень радушно. Проводила на
кухню и изложила все плюсы
и минусы моего перехода
в танцы. Минусов практически
не было.

Надо сказать, что Тарасова могла (и может до сих пор) убедить кого угодно в чем угодно. В общем, отец довольно быстро осознал, какого гениального танцора может потерять мир фигурного катания, не перейди я в танцы. Разговор состоялся весной, а уже к зиме я, со слов великого тренера, должен был ехать на первенство мира среди юниоров в составе сборной СССР. Отец приехал домой в состоянии полной эйфории и объяснил мне, что я танцор по жизни. Просто я пока этого не прочувствовал.

Следующую тренировку я провел в группе Светланы Алексеевой — второго тренера группы Тарасо-

вой по танцам. В партнерши мне сразу дали девочку Ольгу Корзину. Показали, как правильно ее держать и вести. Я покатался в позиции «рука в руке», в позиции «киллиан», это когда партнеры стоят бедро к бедру и скользят в одном направлении. Первые полчаса я был успешен. Но потом последовала рекомендация встать и прокатиться в вальсовой позиции. Это когда оба партнера находятся лицом к лицу и не понимают, что делать дальше. Почему-то я все время попадал партнерше коленом в колено и падал на нее, как подстреленный. В чем была ошибка, мне не объяснили. Я очень старался, но почему-то упал столько раз, сколько не падал за всю одиночную карьеру.

Вы только представьте себе:
первая тренировка, великая
Пахомова на коньках занимается
танцевальными упражнениями
в течение часа с Сашей
Жулиным, зеленым юнцом,
вставая со мной в позиции
и объясняя каждое движение,
опускаясь до моего уровня!

В общем, не произвел впечатления бога конька в танцах ни на партнершу, ни на тренера.

Памятуя о своих умопомрачительных перспективах в танцах на льду, я продержался в этом танцевальном аду пару недель и безудержно рванул в любимое мной одиночное катание. Меня не сильно удерживали. Мой тренер Анастасия Николаевна была удив-

лена, но настойчива. Спасибо ей за это, поскольку я и правда имел большие проблемы с коленями. Она отправила меня на просмотр к Людмиле Алексеевне Пахомовой. Вы только представьте себе: первая тренировка, великая Пахомова на коньках занимается танцевальными упражнениями в течение часа с Сашей Жулиным, зеленым юнцом, вставая со мной в позиции и объясняя каждое движение, опускаясь до моего уровня!

Сейчас понимаю, что любовь к танцам на льду привила мне именно Людмила Алексеевна. Есть вещи, которые не забываются. Например, день рождения Пахомовой. Она – молодой тренер. Свою группу (человек двадцать) она приглашает к себе домой в шикарную квартиру на Кутузовском проспекте, в высотку, где располагалась знаменитая гостиница «Украина». Пахомова, Горшков, вкуснейшая еда – всё так просто и душевно, прямо сказка! Они только закончили спортивную карьеру, их боготворила вся страна! Перед тобой гениальные, величайшие люди, а ощущение такое, будто ты с близкими друзьями на пикнике. Пахомова рассказывала всякие смешные эпизоды из их интереснейшей карьеры, и Горшков не отставал, заставляя нас, молодых танцоров, смеяться до слез. Не забуду этого вечера никогда. У меня с танцами получилось только со второй попытки, огромное спасибо Пахомовой и ее ассистенту по работе – второму тренеру Геннадию Германовичу Аккерману. Как же он влюблял меня в каждое движение, в красоту линий, в поворот головы, музыку. Это воистину большой тренер. Я влюбился в танцы – несмотря на то что по совету тренера катался со стулом, который заменял мне партнершу в течение двух лет.

Глава 5

«ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ — ОТВЕЧАЙ»

Так я попал в прекрасный, очень интересный мир танцев на льду. Это опять была школа ЦСКА. И меня перевели из школы № 7 родного мне Королева в знаменитую спортшколу № 704 в Москве. Основным отличием этой школы от остальных был особый график учебы, в котором нуждались спортсмены: первый урок начинался в 10:30, а последний около трех часов дня. Теперь можно было откататься на первой тренировке, успеть к первому уроку и после уроков бежать на второй лед. В общем, достаточно свободный график. И, конечно, учителя шли навстречу, понимая, что у спортсменов сложная жизнь. Я сидел за одной партой с Еленой Водорезовой, которая после замужества стала Буяновой, нашей знаменитой фигуристкой-одиночницей, катавшейся у великого Жука. Лена очень редко посещала школу в силу своей огромной занятости на тренировках и соревнованиях, но, когда появлялась, получала практически

одни пятерки. Я же учился очень средне, скажу как есть, — плохо, потому что к тому времени понял: мое предназначение — спорт, а не учеба. Наверное, я был не прав. Но спустя годы все-таки выяснилось, что в школе я что-то усвоил — пишу я грамотно, умножаю хорошо, знаю число пи, короче, не debil. В общем, у меня был свой путь, который я для себя выбрал.

Спустя годы все-таки выяснилось, что в школе я что-то усвоил — пишу грамотно, умножаю хорошо, знаю число пи, короче, не debil. В общем, у меня был свой путь, который я для себя выбрал.

Тем не менее полная погруженность в фигурное катание не мешала мне обожать футбол. В моем классе и классе на год старше учились ребята, позднее вошедшие в основной состав команды ЦСКА — Нестеров, Куракин, Баранов. Я позволял себе иногда довольно долго пребывать на их тренировках. Смотрел все матчи с их участием, конечно, не забывая кататься на коньках.

Та пора моей жизни была очень насыщенной и несколько хаотичной, впечатлений — море, но по части фигурного катания в голове был хаос: нет партнерши, работа вроде идет, а толку ноль. И вот тут я сильно увлекся посиделками с футболистами, а ребята умели отдохнуть...

Был у нас во дворе мужик, отличительной чертой которого был абсолютно пропитой вид. В этом состоянии он пребывал денно и ночью, то есть всегда. Звали его Толик. Лет ему было где-то от пятидесяти до семидесяти пяти, в зависимости от того, сколько Толик спал и сколько принял на грудь. Одет он был всегда в черное твидовое пальто в пол, вокруг шеи был намотан длинный светло-серый вязаный шарф а-ля Остап Бендер. Его абсолютно седая шевелюра и такие же борода и усы создавали образ артиста драматического театра, уволенного оттуда из-за кляуз бездарных коллег-завистников. У Толика был удивительный дар рассказчика. Он врал практически в каждом слове, но мы же любим хороших рассказчиков, а тут Толик, причем очень артистичный.

Все его байки рассказывались в манере нашей старой артистической школы. Вот, например, представьте Николая Симонова в роли отца в великом фильме «Овод». В этой подзабытой манере с серьезным переигрыванием и работал наш Толик. Рассказывать он начинал всегда внезапно. Появлялся он как-то из ниоткуда, откуда-то из-за стоящих у железной дороги таких же железных коричневых гаражей. Шатающейся походкой он подходил к нам, компании пацанов, подсаживался на фанерные ящики с интеллигентным «Не помешаю?» Мы всегда отвечали: «Конечно, нет!» — уже ожидая очередной шедевр от мастера слова и перевоплощений.

Обычно он долго молчал и слушал наши пацанские разговоры и споры, потом оттолкнувшись от темы, как от морского пирса, погружал нас в свою «правдивую» историю. Забыл упомянуть одну важную деталь: у Толика на правой руке отсутствовал боль-

шой палец. О потере этого пальца мы прослушали много различных историй, одной из моих любимых была версия о том, как, будучи серьезным вором, он должен был отвечать за воровской общак. Деньги были очень большие, и вот они как-то пропали. Спросили, естественно, с Толика, а он ни ухом ни рылом. Лежали, говорит, в чемодане под диваном, и теперь нету. Он им клялся, и «Гадом буду», и «Век воли не видать», но только после отрезанного пальца ему воры поверили. Деньги потом нашлись под кроватью в другой комнате. А палец-то не вернешь.

Эта история могла бы сойти за правду, но были и другие. В тот вечер мы обсуждали фильм «В бой идут одни "старики"». Кто-то говорил, что не могло быть музыки на войне, кто-то утверждал, что это фишка фильма. Я, кстати, со вторыми. Толик молчал, и только закурив сигарету, как бы невзначай произнес: «Музыка, говорите. Нам только "Элки" дали. Хорошая машина, послушная, есть с чем сравнить. Мы с напарником поднялись новые машины опробовать, летим спокойно. Я слушаю, как движок себя ведет, как на первой, как на холостых... Вдруг из облаков два "мессера", я педаль в пол — они за мной. Напарник сразу отвалился, эти не отстают, серьезные ребята. Я в "мертвую петлю", они за мной, я в "штопор" — они за мной, я в боковые зеркала смотрю — они на хвосте. Что делать, пока не знаю. Ну что, ребятки, нашего аса просто так не возьмешь! Вижу вдалеке туннель, по габаритам смотрю, вхожу я в туннель, а "мессеры" — опа, и зависли, ждут, что будет дальше. Я спокойно на холостых иду, и тут... Паровоз несется навстречу. Ну что делать? Разворачиваюсь... Вы же помните "элкины" крены, и лечу уже от паровоза...

Из туннеля вылетаю, а эти гады меня караулят. Мне уже убежать надоело, хочу им бой навязать, а пулемет, как назло, заклинило. Ну у меня с собой «калашников» был на всякий... Я лампу открываю и очередью по ним... а они в ответ из пулемета и прямо по пальцу! А вы – музыка! Так-то вот».

По-моему, история достойна Пулитцеровской премии за идею и «Оскара» за актерское мастерство. Вскоре Толик куда-то пропал. Думаю, его послали разведчиком в Румынию, чтобы не дай бог чего...

ИТАК, Я ИГРАЛ НА ГИТАРЕ, пел про дембелей, стал в доску своим парнем, но кто я в этой среде, было не совсем понятно. Это был переходный возраст – возраст, когда ты считаешь всех взрослых недалекими и непродвинутыми людьми. Все советы родителей раздражают и бесят.

На тот момент я сумел убедить родителей в бессмысленности моих визитов в родную квартиру в Королеве, так как дорога отнимает колоссальное количество времени, которого мне, конечно же, не хватает на выполнение домашних заданий в школе. Еще я рассказал родителям, что мне, как перспективному спортсмену, выделили место в гостинице-пансионате ЦСКА на Песчаной улице, в 100 метрах от футбольного стадиона ЦСКА, благодаря чему отныне ничто меня не сможет оторвать от любимой учебы. В общем, врал по-черному в плане перспективности, поскольку со стулом к соревнованиям не допускали, а с партнершами было туго. Я действительно оставался ночевать в «пансике», но меня туда пускали мои друзья-футболисты. В основном там жили ребята приезжие, таланты из разных городов.

Частенько в шестиместных комнатах оставалось место, и консержки на вахте давно принимали меня за футболиста. Тот период времени я помню очень хорошо – тусовки с моими футбольными приятелями в популярном тогда кафе «Метелица» на Новом Арбате с шампанским и танцами под модных итальянских певцов. Катался же я больше по инерции.

Я играл на гитаре, пел про дембелей, стал в доску своим парнем, но кто я в этой среде, было не совсем понятно. Это был переходный возраст – возраст, когда ты считаешь всех взрослых недалекими и непродвинутыми людьми. Все советы родителей раздражают и бесят.

Да вот еще. Я был нормального телосложения, а в нашей группе все мальчики были очень худыми: Андрей Антонов, Игорь Шпильбанд, позже Леша Соловьев. После случая на чемпионате мира среди юниоров, где Андрей Антонов, партнер Лены Батановой (дочери знаменитого торпедовского защитника Бориса Батанова), попался на воровстве джинсов, Федерацией фигурного катания было принято решение о его дисквалификации. Пожизненно! Тренеры были шокированы. Людмила Алексеевна очень переживала. Пара была перспективной, со своим лицом, легкие, артистичные, абсолютно пахомовский

стиль – и тут такой удар! Тренеры через какое-то время решили попробовать меня в паре с Леной. Мне показалось, что проба была неплоха, но Людмила Алексеевна посчитала, что я для Лены крупноват. Сейчас понимаю, что был абсолютно нормальным, но тогда был бум худющих партнеров. Видимо, для Пахомовой пример ее партнера и мужа Александра Горшкова был в приоритете. Горшкова же назвать Гераклом язык не поворачивался. Аккерман всегда говорил мне: «Саша, посмотри, какие у нас все партнеры стройные, а ты какой-то мышечный!» Как будто я прокаженный. Я очень уважал Аккермана. И вот летний сбор в Красной Поляне. Сбор по ОФП. Тогда это была база Министерства обороны. Питание было на высшем уровне. Каждый день на обед нам ставили на столы по полукилограммовой банке с черной икрой. Я обожал черную икру. А кто ее не любил?! Проходя мимо нашего с «дистрофиками» стола, Аккерман сказал мне тихо на ухо: «Сашенька, икра очень калорийна, а ты у нас и так...» Многозначительно посмотрел на меня и ушел. А я же был исполнительный. Ни разу за весь сбор я не притронулся к любимой черной икре. Игорь Шпильбанд сидел напротив меня и съедал сначала свою порцию, а потом и мою. Антонов туда же. Я их не очень любил в тот момент. А может, та моя несъеденная икра дала толчок успехам Игоря Шпильбанда на тренерском поприще, где он до сих пор является моим конкурентом? Но если серьезно, для мальчишки из Королева отказаться от черной икры в 14 лет – это маленькая, а может и большая, победа над собой. Может, эта икра и сформировала мой характер, научила преодолевать себя?

Я приехал с того сбора, сбросив 3 кг. Ничего личного, но мне просто непонятно, когда люди, в основном девушки, даже ради Олимпиады не могут взять себя в руки и закрыть рот, когда приходит время есть. У меня же даже партнерши не было, а тут Олимпиада на кону! Не могу этого понять до сих пор. Помню, как после родов поправилась Катя Гордеева. Килограммов на двадцать пять. И я видел, как ела Катя. Две палочки сельдерея и два ломтика моркови за весь день, и это все с улыбкой и оптимизмом. Через месяц Катя была в своем боевом весе. Чего ей это стоило, знает только она. Поэтому она великая чемпионка Гордеева. И не нужно рассказывать сказки про разную конституцию тела.

Для мальчишки из Королева
отказаться от черной икры
в 14 лет — это маленькая,
а может и большая, победа
над собой. Может, эта икра
и сформировала мой характер,
научила преодолевать себя?

После не пройденного мной теста на партнера Лены Батановой я приуныл. По мнению Пахомовой, как я уже сказал, для Лены я был крупноват. Слава богу, потом появился такой танцор, как Кристофер Дин, который был и плотный, и мускулистый. Он стал моим кумиром на долгое время.

Я опять начал метаться. Покатался еще пару недель и набрал номер Анастасии Николаевны: «Ни-

чего не получается, для Батановой плох, партнерши нет. Разрешите вернуться». Она сказала: «Ну раз все так плохо, приходи». Вечером того же дня, набравшись смелости, я позвонил Людмиле Алексеевне и сказал ей, что у меня ничего не получается и я хочу вернуться в одиночное катание. Она спросила: «Это твое окончательное решение?» Я ответил: «Да». Она пожелала мне удачи и сказала, что я могу пожалеть. Я с облегчением повесил трубку.

На тот момент в Омске каталась танцевальная пара – Наталья Анненко и ее партнер. Пусть он меня простит, не помню его имени. Но это нормально, потому что мне очень нравилась его партнерша – красивая девушка с прекрасным катанием. Наталья могла бы мне подойти. Она прекрасная блондинка, я тоже тогда еще был блондином, но не решался с Пахомовой даже заговорить на эту тему. К чему я все это веду?

Утром следующего дня я выхожу на станции метро «Аэропорт», направляясь в школу, и вдруг встречаю Наташу Анненко на платформе. Совершенно обалдевший говорю:

– Привет.

– Привет, – отвечает Наташа.

– Ты что в Москве делаешь?

– Приехала с тобой пробоваться в паре. Людмила Алексеевна попросила приехать.

У меня внутри все рухнуло, но я выдавил:

– А я в одиночное вернулся.

– Ну и дурак, – сказала Наташа и пошла на тренировку к Пахомовой. Вот так. Вечером я все-таки позвонил Людмиле Алексеевне и спросил: «Может, вы еще хотите попробовать меня с Наташей?» Пахо-

мова ответила: «Ты принял решение. Учись за него отвечать».

Что тут скажешь, она была во всем права. Если спросить меня сейчас, жалею ли я, что так сложилась моя судьба? Мой ответ будет – нет. Я уже писал ранее, жизнь – это череда случайностей и ошибок, а потом может выясниться, что новый поворот – это подарок судьбы, Божий промысел.

Наташа стала двукратной чемпионкой мира среди юниоров с Вадимом Каркачевым, а я продолжал отрываться с футболистами и пытался зацепиться за одиночное катание, с которым у меня отношения не складывались. Сложнейший период. Все рушилось, как карточный домик. Постепенно тренировки отошли на второй план. Я стал близким другом ребятам со своего двора. Много чего мог рассказать о богемной московской жизни. Плюс гитара и портвейн – почти ежевечерние посиделки. Родители стали постепенно смиряться с тем, что не вышел из меня Толлер Крэнстон, да и Горшков, видимо, уже не получится. Где-то полгода я посвятил дворовой жизни, завязал со спортом, учился через пень колоду, перестал находить общий язык с родителями. Я стал обычным королевским пареньком без какой-либо идеи. А что дальше?

Глава 6

СУРОВАЯ И ЛЮБИМАЯ НАТАЛЬЯ ДУБОВА

Мой тренер Наталья Ильинична сделала очень многое для того, чтобы я стал не только хорошим спортсменом, но и личностью. Она не просто тренер с большой буквы, но и педагог, который дал мне множество советов в жизни, помогая преодолеть уйму сложных моментов, подстерегающих неопытного спортсмена на каждом шагу. Роль этого человека поистине трудно переоценить. Мы до сих пор созваниваемся и остались в прекрасных отношениях с ней и ее мужем Семеном Белиц-Гейманом, знаменитым пловцом бывшего СССР.

Были дни, когда я просто смотрел в потолок и думал: зачем я живу? Кто я? Что я из себя представляю? Мне даже стало жаль времени, которое я угрохал на фигурную историю.

И я сказал отцу: «Пап, давай попробуем вернуться». Отец спросил: «Куда?» — «В танцы», — ответил я. Папа мне всегда помогал. И мы, понимая, что

тренеров в Москве осталось не так много, пошли к Чайковской. Но была одна проблема — у меня не было коньков. Я уже не вспомню почему. Мы пошли к Чайковской с надеждой показаться. Отец сказал: «Есть мальчик, но нет коньков. Может быть, кто-то даст коньки для показа?» Елена Анатольевна сказала, что все коньки у спортсменов сшиты по ноге и помочь нам в этом она не сможет. Понимаю тренера, дурацкая, по сути, просьба. Но потеряла неплохого танцора, как жизнь показала, а могла бы чьи-то коньки предложить. Ну да ладно, не сложилось. Так вот: на тот момент осталась на всю Москву одна Дубова Наталья Ильинична, до замужества — Бах (в простонародье — Бахиня). О ее жесткости на тренировках ходили легенды, Тутберидзе отдыхает. Очень суровый тренер, но выхода нет, пробуем. Приходим с папой туда, где мы когда-то с группой Пахомовой катались на одном льду, — на каток «Кристалл». Как сейчас помню, папа пошел на разговор, а я околачиваюсь возле «Кристалла» и жду вердикта.

Были дни, когда я просто смотрел в потолок и думал: зачем я живу? Кто я? Что я из себя представляю? Мне даже стало жаль времени, которое я угрохал на фигурную историю.

Папа говорит:

— Мой сын катался у Пахомовой и хотел бы попробовать у вас.